

МУДРОСТИ НЕ ЗАНИМАЛ

Николай Семенович Патоличев...

Он оставил на белорусской земле заметный след — в бережном отношении к местным кадрам, к национальным традициям, особенностям белорусов, к культуре и дисциплине труда. Помню, как по инициативе первого секретаря в Минске активно принялись за сооружение троллейбусных линий.

— Это самый прогрессивный транспорт, — убеждал минчан Николай Семенович, — тихий, экологически чистый, с четким ритмом движения. Когда мы пустили троллейбус в Ростове-на-Дону, я лично стоял с хронометром в руках и убеждался: вагоны приходили на остановки с интервалом в три минуты.

Нам, слушателям республиканской партийной школы, сказанное рисовалось несбыточной мечтой. Но получилось, как мы убедились потом, именно по Патоличеву.

Но, пожалуй, кульминацией в белорусском периоде работы Н.С. Патоличева был знаменитый пленум ЦК КП Белоруссии летом 1953 года, на котором предпринималась попытка снять его с работы и затем, как выяснилось позже, репрессировать. Инициатором грязной акции выступил Берия. Видная роль в ней отводилась М.В. Зимянину, рекомендованному Президиумом ЦК КПСС на должность первого секретаря ЦК КПБ. Сложно проходил тот пленум, совсем не по московскому сценарию, и решения принял, как известно, вопреки рекомендациям Кремля. В прессе ситуация вокруг пленума и на самом пленуме подробно описывалась, анализировалась, оценивалась. Мне же хочется сказать о другом — об отношениях между Патоличевым и Зимяниным в последующие годы. Оба они были на виду у партии и государства — один министром внешней торговли СССР, другой — главным редактором «Правды».

Два умнейших человека так и остались непримиримыми, не смогли перешагнуть через личную неприязнь, глубоко засевшую в их сознании. На этот счет у меня сложился однозначный вывод из обстоятельных бесед, которые состоялись в один год с Н.С. Патоличевым в Софии и с М.В. Зимяниным в Москве.

Н.С. Патоличев как министр внешней торговли СССР прилетел в Болгарию подписывать очередной торговый договор. Посол по этому случаю устроил прием. На приеме и после него Николай Семенович, узнав, что я из Белоруссии, тепло вспоминал о моем народе и белорусских коммунистах. Как человек эмоциональный он даже прослезился.

По его глубокому убеждению, белорусские товарищи показали тогда высочайшие зрелость, принципиальность и бесстрашие. Они спасли меня, говорил министр, не только на работе, но и от тюрьмы. Единственный раз лицо Николая Семеновича исказила гримаса неприязни — при упоминании фамилии Зимянина.

Вскоре во время отпуска в Москве у меня состоялся трехчасовой разговор с М.В. Зимяниным. По его инициативе. Поздно вечером, в редакторском кабинете. Начал он почему-то издали, с наших комсомольских встреч в 1946 году. Потом незаметно перешел на годы партийной работы, на тот злополучный пленум. Меня поразили откровения глубоко уважаемого мной человека. Он в резких выражениях оценивал тогдашнюю расстановку сил, закулисную борьбу минских руководителей, проецировал ситуацию на дела московские. Роль Патолочева характеризовалась в большинстве своем отрицательными словами.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке